

УДК 371.1(091)470.5
ББК 4403(235.55)6-4

DOI 10.26170/ps19-01-01
ГРНТИ 14.09.25

Код ВАК 13.00.01

Бахтина Ирина Леонидовна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики обучения истории, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: bahtina@uspu.ru

Попов Михаил Валерьевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: m-v-popov@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ И ДЕРЕВЕНСКИХ ШКОЛ ГРАМОТЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ В 1920-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛА)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общеобразовательные школы; модернизационные процессы; модернизация образования; реформирование школы; грамотность населения; школы грамоты; ликвидация неграмотности; сельское самоуправление; самообложение; культпоход; сельские школы; финансирование школ; экономика образования.

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется проблема финансирования сельских общеобразовательных школ и пунктов ликвидации неграмотности для взрослого населения на Урале в 1920-е гг., когда модернизационные процессы, происходившие в нашей стране, требовали значительного повышения общей грамотности населения, в первую очередь сельского. Необходимость ускоренных преобразований в экономике ограничивала возможности государства в финансировании других сфер, что заставляло идти на чрезвычайные меры, в том числе при выделении средств на народное просвещение в деревне.

Авторами анализируется уровень грамотности крестьянского населения в различных районах Урала. Большое внимание уделено изучению изменений в отношении к грамотности детей и взрослых — крестьян. Анализируются результаты попыток государственной власти решить проблему финансирования образования детей и взрослых за счет привлечения средств сельского населения и организаций. Изучаются различные формы и способы привлечения негосударственных средств для решения проблемы. Финансирование общеобразовательных школ и школ грамоты для взрослых на селе в 1920-е гг. зависело от того, в каком состоянии находилось парцеллярное сельскохозяйственное производство в тот или иной период этого десятилетия. Ведущим было государственное финансирование образовательных учреждений, при этом после перехода к новой экономической политике использовались преимущественно средства местного бюджета, которых явно не хватало. В условиях рыночных отношений определенное значение имело выделение средств на образование сельскими земельными обществами, в первую очередь через систему самообложения крестьянских общин. Попытки материально стимулировать учителей для работы по обучению взрослого неграмотного и малограмотного населения за счет средств общественных организаций и личных пожертвований оказывались малоэффективными из-за проблемы комплектования контингента посещающих сельские школы грамоты для взрослых: по разным причинам большинство не владеющих грамотой взрослых крестьян уклонялось от обучения.

Bakhtina Irina Leonidovna,

Candidate of History, Associate Professor, Department of Theory and Methods of Teaching History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Popov Mikhail Valer'evich,

Doctor of History, Professor, Department of Russian History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

PROBLEMS OF FINANCING OF RURAL GENERAL EDUCATION SCHOOLS AND VILLAGE SCHOOLS FOR ADULTS IN THE 1920S IN THE URALS

KEYWORDS: general education schools; modernization processes; modernization of education; school reform; literacy of the population; rural self-government; self-taxation; cultural outing; country schools; school financing; education economy.

ABSTRACT. The article examines the problem of financing of rural secondary schools and education centers for adults in the Urals in the 1920s, when the modernization processes in our country required a significant increase in the general literacy of the population, primarily in the rural areas. The need for accelerated reforms in the economy limited the ability of the state to finance other areas, which made it necessary to take emergency measures, including allocating funds for public education in the village.

The authors analyze the literacy level of the peasant population in various regions of the Urals. Much attention is paid to the study of the change in attitudes towards literacy among children and adults. The results of attempts by the state authorities to solve the problem of financing of education for children and adults by attracting funds from the rural population and organizations are analyzed. Various forms and ways of attracting non-state funds to solve the problem are being studied. Financing of secondary schools and schools for adults in rural areas in the 1920s depended on the state crofting agriculture. In the beginning of

the 1920s educational institutions were financed primarily by the state, while after the transition to the new economic policy it was financed from the local budget which was not enough. In the conditions of market relations, the money for education was taken from the agricultural communities and through the system of self-taxation of peasant communities. Attempts to financially stimulate teachers to work with illiterate adults faced the problem of attracting people to rural schools due to the fact that most non-literate peasants avoided studying for various reasons.

Модернизационные процессы, происходившие в нашей стране в XX в., включали и значительное повышение общей грамотности населения, в первую очередь сельского. Однако необходимость ускоренных преобразований в экономике ограничивала возможности государства в финансировании других сфер, что заставляло идти на чрезвычайные меры, в том числе при выделении средств на народное просвещение в деревне.

Изучение исторического опыта деятельности государства по расширению материального обеспечения сети сельских школ является актуальным на современном этапе, поскольку и сейчас наблюдается недостаточный уровень финансового обеспечения сельских образовательных организаций. Хронологические рамки обусловлены тем, что для историка период 1920-х гг. представляет особый интерес и практическую ценность, ибо позволяет изучить государственную политику советской власти, направленную на расширение сети сельских общеобразовательных учреждений в условиях, когда экономика села функционировала на базе индивидуальных крестьянских хозяйств, а государство испытывало постоянный недостаток необходимых для решения социальных задач средств. Исследование ведется на материалах Уральского региона в географических рамках, включавших в 1920—1923 гг. территорию Свердловской, Пермской и Челябинской губерний, а с 1923 по 1929 г. — территорию Уральской области.

Проблема финансирования общеобразовательной школы и школы грамоты для взрослых привлекала внимание уральских ученых, занимавшихся историей культурных преобразований в регионе. В 1970 — начале 1980-х гг. ими были проанализированы огромные массивы конкретных данных о сети и материальном положении учебных заведений на Урале. Однако специальные исследования о финансировании сельских общеобразовательных учреждений в 1920-е гг. отсутствуют. Поэтому в научной литературе по этой теме осталось много невыясненных вопросов.

Отделы народного образования функционировали при местных советах. Однако политика советской власти на местах вырабатывалась и направлялась органами РКП(б), прежде всего губернскими комитетами партии большевиков. Особое значение имела

деятельность агитационно-пропагандистских отделов при губкомах партии; с середины 1920-х гг. такие отделы стали создаваться при уездных и районных комитетах РКП(б).

Решения парткомов были обязательны к исполнению для руководителей народного просвещения, которые в большинстве своем являлись коммунистами. Стратегические установки принимались на партийных съездах, конференциях, в постановлениях ЦК большевистской партии, решения которых проводились в жизнь в конкретных мерах государственной политики [33, с. 15—16].

На Урале в 1920—1923 гг. (до образования Уральской области) деятельность парткомов четырех губерний — Екатеринбургской, Пермской, Уфимской и Тюменской — координировалась Уральским областным бюро Центрального комитета партии. Вотский обком и Оренбургский губком РКП(б) действовали самостоятельно. Нередко партийные комитеты подменяли органы народного образования.

Основным типом учебных заведений в сельской местности на Урале были школы I ступени (начальные школы). По «Положению о единой трудовой школе» [26, с. 133—137], она представляла собой первую ступень общеобразовательной школы и предназначалась для детей в возрасте от 8 до 13 лет.

Историки в 1970-х — начале 1980-х гг. весьма значительное внимание уделяли раскрытию вопросов материально-финансового обеспечения процесса строительства сети общеобразовательных школ на Урале, что связано с акцентированием этих вопросов в привлекавшихся к исследованию огромных массивах конкретных данных. В то же время обобщения фактологического материала явно не хватало. Не было достигнуто четкого понимания соотношения бюджетных и внебюджетных источников финансирования. Некоторые историки рассматривали средства от самообложения населения как один из основных финансовых источников, уступавший, однако, по своим размерам бюджетным ассигнованиям и банковским ссудам. Правда, П. В. Гришанов признавал, что в отдельных случаях финансирование школьного строительства за счет средств населения превышало бюджетные поступления [19, с. 38; 20, с. 8]. Другие историки приписывали помощи населения гораздо большее значение [2].

В этой связи возникает вопрос о месте и роли сельской общины в процессе развития сети общеобразовательных школ в уральской деревне, в частности, в решении проблемы финансирования школы.

Исходя из логики рассуждений П. В. Гришанова, роль сельской общины в финансировании школьного строительства на селе была немаловажной, но далеко не ведущей. Сельское общество помогало сохранять школу. Но именно помогло. Ведущая роль в решении проблемы функционирования и расширения сети школ принадлежала партийному и советскому руководству. Привлечение помощи общественности было вынужденной мерой в периоды экономических затруднений. Как только экономическая ситуация улучшалась, государство возлагало всю тяжесть проблем на себя. Однако, как показывают архивные материалы, позицию П. В. Гришанова и других авторов, пишущих в том же ключе, нельзя признать абсолютно верной.

Эволюция уральской деревни в первые десятилетия советской власти проходила в достаточно сложных условиях и сопровождалась не только сильнейшими потрясениями, но и глубокими экономическими преобразованиями, изменившими в конечном счете и социальную структуру сельского населения, и сам уклад крестьянской жизни. Модернизационные процессы в регионе проходили прерывисто и носили неорганичный характер. Несомненным фактом стал упадок сельскохозяйственного производства в годы Гражданской войны и голода 1921—1922 гг., последующий рост хозяйственных показателей в период НЭПа и сокращение экономического потенциала в период сплошной коллективизации. Подобная неравномерность развития была спровоцирована непоследовательной по отношению к крестьянам политикой государства, которое то жестко ограничивало поступательное развитие parcelлярного крестьянского хозяйства, то дозированно стимулировало его рост.

Крестьянское хозяйство Урала и parcelлярное сельскохозяйственное производство в исследуемый период находилось, за исключением 1923—1926 гг., в состоянии перманентного кризиса, максимум которого пришелся на 1921 и 1929 гг.

Сложившаяся в 1920-х гг. вертикальная структура власти не способна была осуществлять руководство процессами восстановления экономического потенциала, утраченного в период войн, революций и голода. Не способствовал трансформации крестьянского хозяйства существующий дуализм власти. Реальные функции управления на уровне отдельного сельского населенного

пункта до 1928 г. принадлежали общине, которая не всегда поддерживала экономические мероприятия советской власти.

Сопоставление количества земельных обществ с численностью сельских советов в годы новой экономической политики вряд ли возможно, поскольку в один сельский совет могло входить несколько населенных пунктов (земельных обществ).

Функции и основные черты земельных обществ достаточно подробно рассмотрены в исторической литературе [21, с. 99—105; 25].

Уточним, что земельное общество на Урале, как и в целом по стране, по основным чертам представляло собой типичную крестьянскую общину с мирским самоуправлением и рядом жестко обозначенных функций. Одной из базовых задач, стоящих перед каждой конкретной общиной, было выживание в изменившихся социально-политических и экономических условиях. Именно из представлений о том, насколько развитие образования на селе способствовало выполнению ее коренных задач, проистекало отношение общины к школе.

Дореволюционный опыт показывает, что земские школы наиболее продуктивно функционировали там, где сельские общества оказывали им не только моральную, но и материальную поддержку [40, с. 72]. Земства стремились использовать действовавший в деревне принцип самообеспечения крестьянского мира, открывали школы прежде всего там, где сельские общества брали на себя расходы по найму помещений, их ремонту, отоплению, освещению. А. М. Сафронова приводит и другие примеры участия этих обществ в деятельности сельских земских школ: некоторые сельские общества помогали бедным учащимся в материальном отношении. Уездные земства являлись ходатаями введения сборов перед обществами, стараясь убедить их в необходимости материальной поддержки школ [40, с. 72].

Ликвидация разноместного управления образованием, присущего дореволюционной России, началась в конце 1917 г. Завершающим шагом государства по централизации учебных заведений было принятие 5 июня 1918 г. декрета Совнаркома «О передаче в ведение Народного комиссариата по просвещению учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств» [41, с. 507]. Источники свидетельствуют, что сельская школьная сеть на Урале в начале 1920-х гг. была шире, чем сеть начальных народных училищ до начала Первой мировой войны. На территории, которая позднее вошла в состав Уральской области, в 1920 г. действовало 5025 школ I ступени с 445 349 учащимися [35, с. 6].

Увеличение сети школ I ступени шло в первую очередь за счет сельской местности, где образовательные учреждения создавались чаще всего по инициативе и на средства населения. Процент прироста начальных школ был самым высоким по стране и области. Обычно крестьяне арендовали чью-нибудь избу, заготавливали дрова, покупали канцелярские принадлежности и просили прислать к ним учителя. В исполкомы местных советов шел нескончаемый поток таких просьб. Иногда по поручению сельского схода уполномоченные крестьян договаривались с учителем, и школа открывалась без ведома отдела народного образования.

Советские историки считали, что причиной подобного энтузиазма со стороны сельского населения являлась поддержка партийными и советскими органами «тяги народных масс к просвещению», деятельность советской власти по расширению школьной сети [54, с. 52].

Однако наиболее верно, на наш взгляд, оценил ситуацию нарком просвещения А. В. Луначарский, который, характеризуя состояние школ в это время, говорил: «...эта громадная распыленная сеть, которая свидетельствует не столько о наших возможностях, сколько о наших желаниях, содержалась частью на нерегулярных местных подачках, а частью на государственном бюджете, или, вернее сказать, на надеждах на помощь государственного бюджета» [1, с. 237].

Вероятно, декрет Совнаркома от 5 июня 1918 г. был скорее политической декларацией, чем детально продуманным экономическим шагом. Реальное состояние дел было таково, что, породив у крестьян надежду дать образование своим детям за счет государства, руководство страны было по многим причинам не в состоянии воплотить свои намерения в жизнь.

Основной причиной был начавшийся в 1921 г. голод. Он не только отразился на экономическом положении крестьянских хозяйств Уральского региона, но и задержал (почти на 1,5 года) внедрение и практическое осуществление принципов новой экономической политики в сельскохозяйственном производстве. Уже к началу 1920-х гг. государственный бюджет оказался не в состоянии тратиться на графу «система просвещения». Согласно постановлению СНК от 15 сентября 1921 г., финансирование школ осуществлялось за счет местных средств, причем распределение расходов на содержание школ между губернскими, уездными и волостными исполнительными комитетами регулировалось законодательством о местных финансах. Из государственного же бюджета по смете Народного комиссариата просвещения на содержание

педагогического персонала школ I и II ступени, а также на школьное строительство губернским исполкомам отпускались средства в порядке долевых отчислений (субвенций), размер которых зависел от уровня развития экономики губернии (области), школьной сети и размера местных расходов на массовое народное образование.

Несмотря на принимаемые меры, количество школ неуклонно уменьшалось. В сложившейся ситуации партийное руководство увидело единственную возможность спасения школы в переводе ее на обеспечение из местных бюджетов и в широком привлечении помощи населения. Эти пути материального обеспечения учебных заведений были закреплены декретом СНК РСФСР от 21 сентября 1921 г. «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений» [42, с. 482].

Перед властными органами встала задача заинтересовать местные Советы в мобилизации средств на нужды народного образования, в рациональном их использовании и установлении твердой доли в местном бюджете. Как следует из отчетов Пермского губисполкома, в Пермской губернии размер доли народного образования в местном бюджете достигал в 1922/23 уч. г. 30% [3].

В Челябинской губернии, по данным на октябрь 1921 г. (Циркулярное письмо губернского комитета РКП(б)), на государственном снабжении находилось 1470 школ с 3455 школьными работниками. К октябрю 1922 г. число школ сократилось более чем в 9 раз — до 159, число школьных работников — до 767 человек. Всего детей школьного возраста по губернии, по официальным данным, насчитывалось 325 230, между тем как в школах I и II ступени обучалось 100 115, из них на государственном обеспечении — лишь 27 315; кроме того, к 1 января 1923 г., согласно плану Наркомфина, весь педагогический состав школ I ступени, а также и сами эти детские учреждения были переведены на обеспечение за счет местных средств [31].

Результат данной политики не заставил себя долго ждать. В голодные 1921—1922 гг. сеть начальных общеобразовательных школ на Урале значительно сокращается. В Челябинской губернии с октября 1921 г. по октябрь 1922 г. количество школ I ступени уменьшилось в 9 раз, в результате чего их посещало только около 30% детей школьного возраста [31]. На территории, которая в 1923 г. составила Уральскую область, сеть начальных школ в 1922/23 уч. г. сократилась на 34%, а число учащихся — на 42% по сравнению с 1921/22 уч. г. (подсчитано авторами по данным: [47, с. 88]). Это сокра-

щение было более значительным, чем в целом по РСФСР, где соответственно количество учебных заведений уменьшилась на 29%, а учащихся — на 32% [24].

Объяснить это можно тем, что значительное число школ на Урале было открыто на скудные средства населения в надежде на обещанную помощь государства. С окончанием выделения государственных средств и ввиду скудности местных бюджетов школы были вынуждены прекращать работу.

В этих условиях решающую роль для сохранения школьной сети в деревне должно было сыграть привлечение средств самого крестьянства за счет самообложения. Промышленных предприятий или иных учреждений, способных взять школы на свой баланс или хотя бы оказывать им минимальную, но регулярную поддержку, в сельской местности практически не существовало.

В уральских губерниях осенью 1921 г. губернские отделы народного образования предоставили исполкомам Советов свои проекты введения самообложения, разработанные согласно указаниям Народного комиссариата просвещения РСФСР, только с некоторыми изменениями применительно к местным условиям. Порядок установления местного натурального самообложения сельского населения для удовлетворения продовольственных нужд местных учреждений наркомата просвещения был определен инструкцией, разработанной на основании постановления СНК от 18 сентября 1921 г. [30].

Согласно этим документам, самообложение на Урале контролировалось волостными исполкомами и проводилось в жизнь сельсоветами, которые, используя налоговые списки по государственному продналогу, производили раскладку по отдельным крестьянским хозяйствам в соответствии с величиной государственного налогообложения.

Учитывая специфику Уральского региона, Челябинский ГубОНО предложил самообложение проводить не только среди родителей учащихся, а привлекать к нему все население. Это, с точки зрения руководителей Челябинского губернского отдела народного образования, позволило бы не взимать плату за обучение в школах [30].

Съездам сельсоветов предоставлялось право по особым постановлениям расширять пределы продовольственного самообложения и на нужды других, помимо указанных, учреждений, причем размер платежа, причитающегося по самообложению на волость, должен был превышать 10% государственного налога данного вида.

Местное самообложение могло охватить и те хозяйства, которые вошли в спи-

ски как плательщики государственного налога, вследствие превышения минимальных норм объектов обложения, установленных надлежащими декретами (например, по хлебному налогу — хозяйство с площадью пашни менее 1 десятины или по овощному налогу — менее 60 квадратных сажен огорода на каждого едока в хозяйстве).

Сельскими советами устанавливались сроки уплаты и места сдачи продуктов. Сроков уплаты по хлебному налогу должно было быть не более двух, причем последний — не позднее 1 февраля 1922 г.

Прием, хранение и выдача продуктов, поступавших по самообложению, возлагались на местные кооперативы, которые руководствовались в этом деле указаниями волостных отделов народного образования. Там, где кооперативов не было, учреждались особые склады.

На основе разработанных инструкций инициативу самообложения на нужды школ на Урале проявили уездные отделы народного образования. Заведующие школами, а равно и другими учреждениями, составляли смету требующегося количества продовольствия для нужд просветительных учреждений (как то: для содержания личного служебного состава, ремонта и прочего) и предоставляли такие сметы в волисполком.

Однако отношение крестьянства к этой кампании было неоднозначным. Так, например, в Кунгурском уезде население категорически отказалось принять учителей на гражданский паек, мотивируя это тем, что можно обойтись и без школ или поставить учителями своих односельчан, окончивших начальную школу, которые хлеба с них — крестьян — не спросят. И такие примеры были типичными.

При отсутствии поддержки со стороны населения УОНО были вынуждены отказаться от проведения в жизнь декрета о самообложении в обязательном порядке до более благоприятного момента [8; 6].

В то же время привлечение средств за счет самообложения было возможно только в сравнительно урожайных волостях, так как в других население бедствовало и само получало субсидии от Комиссии помощи голодающим. Так, из 56 волостей Екатеринбургского уезда в начале 1922 г. только 7 были переведены на самообложение [45].

В Пермской губернии из 282 волостей самообложение приняли только 77. В Челябинской губернии, значительно пострадавшей от неурожая, самообложение не проводилось [27]. В ряде мест оно распространялось не на все трудовое население, а только на родителей учащихся. Имелись случаи, когда собранный фонд использовался волисполкомами на другие нужды [27].

Тем не менее, несмотря на неоднозначное отношение сельских обществ к самообложению как способу финансирования школьного строительства, оно сыграло решающую роль в поддержании школьной сети в условиях голода. В Пермской губернии уже к февралю 1922 г. сельское население выдавало пайки 1080 работникам просвещения (27% от общего числа) [5]. В Екатеринбургской губернии за счет средств сельского населения в 1922/23 уч. г. содержалось 2723 работника просвещения [14]. В Челябинской губернии на средства от самообложения содержалась 831 школа I ступени из 11 147 [28].

Ликвидировав разноместность управления, советская власть автоматически исключила возможность финансирования общеобразовательных учреждений из иных источников, кроме государственного бюджета, и таким образом брала на себя обязательство создать все условия для успешного развития системы образования. Однако в чрезвычайных условиях первой половины 1920-х гг. она вынуждена была привлечь к финансированию сельской школы сельские земельные общества.

В условиях голода партийно-советские органы одним из вариантов решения проблемы сохранения школьной сети на селе считали прикрепление деревенских школ к сельским обществам. Кампания по заключению соответствующих договоров развернулась осенью 1922 г. Перед уездными отделами народного образования партийными органами ставилась задача подготовки к заключению договоров. Требовалось объяснить крестьянам причины снятия школ с государственного снабжения и невозможности для государства содержать их, а также что подворный налог дает очень мало средств на народное образование, и предложить крестьянам взять школы на свое содержание.

Интерес представляет циркуляр Пермского губернского отдела народного образования о заключении договоров на содержание школ сельским обществом. Этот документ наглядно демонстрирует реальное соотношение сил во взаимоотношениях сельских обществ и сельских советов. В циркуляре особо оговаривалось несколько обязательных условий [4]: договор заключался не с райисполкомом или сельским советом, а с сельским обществом; сельский совет мог быть полномочным представителем сельского общества (а мог и не быть — на усмотрение общества); особо тщательно в договоре указывалась смета; в ней обязательно и точно прописывались следующие пункты: 1) капитальный ремонт школьного здания; 2) размер натурального и денежного взно-

сов, обязательных для граждан, перечисленных поименно; 3) сроки выполнения обязательств — особенно это относилось к топливу. Предлагалось включить в смету оплату квартиры и отопления для работников просвещения. То есть речь шла о полном содержании конкретной школы конкретным обществом, а никак не о посильной добровольной помощи. Другое дело, что сельское общество имело полное право отказаться от заключения договора, так же как отказывалось от принятия самообложения.

При анализе архивных материалов видно, что население без энтузиазма шло навстречу школе в вопросах, касавшихся ее материальной поддержки. При этом, весьма неохотно соглашаясь на ассигнования средств на непосредственное содержание сотрудников школ, сельские общества легче шли на помощь школе в отношении мелкого ремонта, подвозки дров и прочего. Интересно, что когда заходила речь о конкретных действиях, то крестьяне часто отказывались помогать, мотивируя это отсутствием надобности в школе [8].

В целом, однако, заключение договоров сельскими сообществами о финансировании школ в первой половине 1920-х гг. следует оценить положительно. В той же Пермской губернии органам народного образования удалось прикрепить по договорам к хозяйственным органам и сельским обществам 439 учреждений социального воспитания, в связи с чем наблюдался количественный рост сети учреждений социального воспитания Пермской губернии, в их числе и сельских школ I ступени. Так, если к началу октября 1922 г. школьная сеть на селе насчитывала 932 школы с 2078 педагогами и 53 063 учащимися, то к 1 января 1923 г. количество школ увеличилось до 1007 с 2142 педагогами и 81 312 учащимися [6]. В Челябинской губернии с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. договорные начальные школы составляли 76% общего числа школ, в них обучалось 60% учащихся, а школы II ступени составляли 33% с 42% учащихся [29].

Хотелось бы отметить, что договорная система была очень ненадежным источником финансирования. Средства школам поступали неравномерно и несвоевременно. Как свидетельствуют отчеты уездных отделов народного образования, в 1922 г. в Ишимском округе 50 школ из числа договорных получали половину того, что предусматривалось договором, к 20 школам поступала третья часть оговоренного, а 16 школ не получали ничего [12]. Однако для остальных 34 школ сельские общества были основным и, скорее всего, единственным источником финансирования. Вероят-

но, заключение договоров было эффективным, когда земельные общества объединяли крестьян богатых сел и деревень.

Уральским историком В. Г. Чуфаровым осень 1923 г. расценивается как начало нового периода в развитии общеобразовательной школы на Урале, так как уже весной началась кампания по переводу договорных школ на местный бюджет, а к осени подавляющее их большинство уже находилось на содержании местных Советов. Это, по мнению В. Г. Чуфарова, было прогрессивным явлением, способствовавшим дальнейшему плановому развитию школьной сети [54, с. 61].

С формальной точки зрения нам трудно не согласиться с вышеозначенным утверждением. Но были ли готовы местные бюджеты обеспечить школьную сеть хотя бы самым необходимым? Данная проблема рассматривалась многими уральскими историками (М. Д. Машин, Л. И. Футорянский, В. А. Лабузов, Д. В. Каракулов и др.), и доказательства отрицательного ответа на этот вопрос, приведенные ими, весьма убедительны. Сокращение посевных площадей и уменьшение общего поголовья тяглогового и крупного рогатого скота достигли крайнего уровня. Восстановление их требовало нескольких лет. По оценке Д. В. Каракулова, осенью — зимой 1921—1922 г. на Урале были «полностью уничтожены все запасы зерна, в том числе и семена...» [23, с. 71].

Законодательная база крестьянского землепользования (Закон о трудовом землепользовании от 22 мая 1922 г. и Земельный кодекс РСФСР, утвержденный IV сессией ВЦИК 31 октября 1922 г.) также, к сожалению, не обеспечивала бесперебойного поступления налогов в местный и государственный бюджеты.

Дефицит школ, слабость их учебно-материальной базы были серьезным препятствием в решении задач начального всеобщего образования. Преодолеть эту трудность можно было, как считает П. В. Гришанов, только путем увеличения ассигнований на школьное образование [20, с. 8]. В доказательство своей позиции он приводит динамику роста бюджетных ассигнований по государственному и областному бюджету на протяжении второй половины 1920-х гг. и делает вывод, что эта мера дала свои положительные результаты. Не будем спорить. Увеличение доли расходов на народное образование в бюджетах различного уровня несколько улучшило финансовые условия расширения и совершенствования школьной сети в сельской местности. Но проанализируем некоторые показатели, характеризующие состояние основных элементов системы школьного образования.

Действительно, с созданием Уральской области и образованием здесь районов (вместо уездов) главную роль в финансировании сельских школ стали играть районные бюджеты, но в условиях доколхозной деревни, вплоть до конца 1920-х гг., активное участие крестьянской общины, инициатива самого сельского населения были жизненно необходимы пусть не для очень успешного, но тем не менее поступательного развития школьной сети.

Так, в Уральской области в 1924—1925 гг. в Ишимском округе «силами населения было выстроено 50 школ» [46], а крестьянами Ирбитского округа «было отремонтировано около 70% домов, занятых под начальные школы» [46].

Собрание крестьян деревни Пальники Троицкого сельсовета вынесло решение выстроить школу своими силами, «если райисполком отпустит на нее строительный лес» [32, с. 40]. На средства самообложения населения, например, были построены Воздвиженская школа (Лопатинского района), Умрешевская школа (Макушинского района), Золотинская школа (Макушинского района) [36, с. 26].

В Уральской области после районирования, как следует из отчетов районных комитетов РКП(б), хозяйственное обслуживание (отопление, ремонт, освещение) школ в сельской местности лишь частично проводилось за счет средств районных исполнительных комитетов, большая же часть денежных средств выделялась на эти цели самим населением. Помощь поступала от комитетов содействия школе, или сельские школы просто получали помощь натурой: крестьяне часто сами делали ремонт, устраивали субботники по обработке пришкольного земельного участка. Нередки были и примеры самообложения родителей в помощь школе. Например, крестьяне одной из деревень Пермского округа собрали 120 р. на ремонт школы и оплачивали за свой счет сверхурочный труд перегруженного работой учителя в размере 700 р. Крестьяне Ишимского округа создали при школах хлебные фонды, насчитывавшие до 200—300 пудов хлеба. И таких случаев помощи школе было много [47, с. 88].

Отметим, что привлечение средств сельского населения к финансированию школ имело место и во второй половине 1920-х гг. Однако с конца 1928 г. характер проведения самообложения в деревне изменился. 4 октября 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О порядке самообложения в 1928—1929 году», которое было весьма противоречиво. С одной стороны, обращалось внимание управленческих структур «на недопустимость мер админи-

стративного давления на население при его проведении». С другой стороны, для принятия самообложения требовалось присутствие не менее 50% общего числа жителей селения. Зажиточная часть населения деревни, как правило, оказывалась в меньшинстве. Самообложение по решению схода вводилось, и основная нагрузка приходилась на хозяйства состоятельных групп сельского населения. Удельный вес всех поступлений по самообложению для хозяйств региона устанавливался «в соответствии с их доходом и по сумме налога», но не должен был превышать 25% от суммы сельскохозяйственного налога [25, с. 441].

Очевидно, что самообложение фактически утратило статус добровольности. Свободы выбора — принять или не принять самообложение — у сельского общества уже не существовало. Были созданы такие юридические условия, которые делали принятие самообложения неминуемым. За обществом оставалось только право перераспределения бремени среди конкретных сообществ в рамках конкретной общины.

Это, на наш взгляд, означало усиление административного давления на земельные общества, централизацию средств в руках государственных органов. Применение командно-административных методов позволило в Уральской области в результате самообложения получить в 1928—1929 гг. 7,3 млн р., из которых на народное образование было потрачено 3,1 млн р. Это составило примерно 10% всех ассигнований на просвещение из местного бюджета за данный период. Размер самообложения Уральских деревень в 1929—1930 гг. составил 3,5 млн р. [51]. Этот показатель на Урале был выше среднего по областям страны. В целом по СССР отчисления от самообложения населения в 1928—1929 гг. составили 3,4% к расходам на народное образование [47, с. 43]. Если учесть, что бюджет на народное образование по Уральской области в 1929—1930 гг. выражался в сумме 41,2 млн р., то дополнительное финансирование за счет общественных организаций и населения в сумме 14 млн р. за этот год составило 34,1% всех средств [53].

В конце 1920-х гг. новой формой стимулирования общественной инициативы к материальной поддержке народного образования стало проведение культурного похода. По инициативе комсомольских органов осенью 1928 г. молодежь развернула широкую агитационную кампанию «за культуру», общественность в ходе культурного похода проводила субботники и воскресники по оборудованию учреждений культуры, в том числе и школ. Заработанные и собранные в результате культурного похода средства пе-

редавались на содержание школьных учреждений. Например, в Невьянском районе Уральской области в результате субботника в пользу школы 28 ноября 1928 г. было заработано 126 р. и собрано по подписным листам 24 р. 55 к. Эта сумма была передана местной школе [20, с. 43]. Аналогичные мероприятия в помощь учебным заведениям проводились и в других районах области.

Однако до введения закона о начальном всеобщем обучении в 1930 г. деятельность культурармейцев и общественных организаций по оказанию материальной поддержки общеобразовательным школам широкого размаха не получила. В основном культпоход в 1928 и 1929 гг. был направлен на организацию ликвидации неграмотности взрослых, на изменение бытовых условий жизни населения.

Основным типом общеобразовательных школ в сельской местности, как уже было сказано, являлись школы I ступени. В 1923 г. сеть начальных школ на Урале была представлена 4123 учреждениями (68,1% от числа учреждений 1920 г.). Из них 3464 школы были сельскими [13]. Начиная с этого времени количество общеобразовательных учреждений постепенно растет, и в 1928 г. в Уральской области на селе было 8455 школ, в том числе и начальных [39].

Что касается ликвидации неграмотности взрослого населения, то в 1928/29 уч. г. культпоход еще слабо охватил сельскую местность. Об этом с тревогой говорил заведующий Уральским областным отделом народного образования И. А. Перель на областном партийном совещании в апреле 1929 г. [52].

Уровень грамотности взрослого населения уральской деревни в исследуемый период оставался низким: по Всероссийской переписи населения 1920 г., грамотность жителей села составляла в Екатеринбургской губернии 25,5%, в Пермской — 25,9%, в Челябинской — 23,6% [38]. При этом число не умеющих читать и писать постоянно пополнялось за счет подрастающего поколения, не охваченного школой. Поэтому государство, местные органы власти, крестьянские земельные общества, общественные организации на селе финансировали деятельность образовательных учреждений по обучению неграмотных и малограмотных.

Абсолютное большинство взрослых обучалось в пунктах ликвидации неграмотности (ликпунктах), действовавших при общеобразовательных школах, а занятия с неграмотными и малограмотными проводили школьные учителя. Например, в 1921 г. в Екатеринбургской губернии 76% ликвидаторов неграмотности были школьными учителями (подсчитано авторами по сле-

дующим данным: [9]), в 1927/28 уч. г. школьных учителей среди преподавателей ликпунктов и школ малограмотных в Уральской области было 60% [17]. В связи с этим финансирование сельских школ грамоты для взрослых и деревенских общеобразовательных школ имело много общего.

Увеличение выделения средств на ликбез происходило в периоды, когда намечались успехи в развитии сельскохозяйственного производства и повышения уровня благосостояния крестьянских хозяйств, в период кризисов и голода, наоборот, финансирование обучения взрослых из разных источников (в первую очередь из средств государства) прекращалось. Например, в 1923—1926 годах, когда в развитии советской деревни имели место успехи на основе новой экономической политики, расширяется и финансирование школ грамоты, что привело к значительному увеличению охваченных обучением. Так, в Уральской области на селе количество взрослого населения, обучавшегося в сети ликбеза, увеличилось с 5,8 тыс. в 1923 г. до 25,6 тыс. неграмотных и малограмотных в 1924 г. (данные на 1 января соответствующего года; подсчитано авторами по следующему источнику: [47]), а в 1925/26 уч. г. здесь обучались уже 46,5 тыс. неграмотных и 1,6 тыс. малограмотных [18]. Напротив, в период кризиса и голода 1921—1922 гг. работа по ликбезу на Урале фактически прекратилась. В сводке Главполитпросвета о количестве ликпунктов в октябре 1922 г. стоит прочерк, когда речь идет о Екатеринбургской, Пермской и Челябинской губерниях [10]. Что касается деревни, то в данной сводке говорится, что «сведения о ней (работе по ликбезу. — *И. Б., М. П.*) почти отсутствуют» [10; 11].

Так же, как и для сельских общеобразовательных школ, главным источником финансирования школ грамоты для взрослых в 1920-м — первой половине 1921 г. был централизованный государственный бюджет, а с переходом к новой экономической политике основная тяжесть материального обеспечения ликбеза была возложена на бюджет местный. Декретом Совнаркома РСФСР «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений» от 16 сентября 1921 г. в сельской местности вводилось самообложение населения в пользу учреждений культуры, в том числе школ по обучению неграмотных и малограмотных [22, с. 14]. Еще в 1920 г. для организации работы по обучению взрослого населения на Урале, как и в других районах страны, были созданы при местных Советах чрезвычайные органы — Чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (ВЧК ликбеза, «грамчека»). Одним из глав-

ных направлений деятельности «грамчека» в 1920-е гг. была координация расходования средств, выделенных государством и общественными организациями на работу школ грамоты для взрослых.

Особенностью финансирования просветительных учреждений, обучающих взрослых, было активное привлечение средств сельских общественных организаций и самого населения деревни путем вовлечения его в добровольное общество «Долой неграмотность!» (ОДН). С самого начала деятельности ОДН (1924 г.) отделения этой общественной организации стали действовать на Урале. В Уральской области к октябрю 1925 г. в городах насчитывалось 294 ячейки с 13 373 членами, а в сельской местности — 1348 ячеек, насчитывающих 44 245 человек. В августе 1925 г. на втором пленуме отделения ОДН Уральской области (к этому времени местные отделения были созданы в большинстве округов и районов Урала) был выдвинут лозунг «Лицом к деревне» [49]. Наряду с другими направлениями работы (организационная, агитационная и др.), одной из форм деятельности отделений и ячеек общества «Долой неграмотность!» был сбор денег для финансирования ликпунктов. Например, в 1925 г. Ишимское отделение ОДН содержало за свой счет 41 ликпункт [48].

Однако в середине 1920-х гг. органы народного образования столкнулись с таким явлением, как нежелание крестьян посещать ликпункты, из-за чего последние приходилось закрывать. Это объяснялось не только тем, что частью сельского населения не осознавалась потребность в грамотности, но и экономическими (например, уход на заработки) и бытовыми (для женщин — не кем оставить детей и т. д.) причинами. Наркомпрос РСФСР в докладной записке ЦК ВКП(б) о состоянии ликвидации неграмотности отмечал: «Взрослые по хозяйственно-бытовому мотивам уклоняются от обучения...» [37]. В результате в ряде регионов, в том числе на Урале, не полностью расходовались средства, выделенные из бюджета на ликбез. Так, в 1926/27 уч. г. отдел народного образования исполкома Верхне-Камского округа Уральской области использовал лишь 46,8% выделенных средств, Тобольского — 44,4%, Ишимского — 74,7% [16].

В 1927/28 уч. г. в некоторых округах Уральской области на селе была введена сдельная оплата труда на ликпункте из расчета 1 р. 70 к. за каждого обученного [15]. Эта мера преследовала цель заинтересовать учителей в обучении максимального количества неграмотных, однако на деле вышло иначе. В деревнях зачастую в группы ликбеза записывалось не более десятка чело-

век. В результате обучающий получал мизерную зарплату и отказывался от работы на ликпункте. Характерны для второй половины 1920-х г. были и факты расходования не по назначению средств, собранных обществом «Долой неграмотность!» и выделенных на содержание школ грамоты в деревне, из-за отсутствия желающих обучаться. Не случайно среди крестьян в этот период имел распространение анекдот, что аббревиатуру «ОДН» следует расшифровывать как «Отдай Деньги На ветер». Видимо, в данном случае правильнее было не создавать школы грамоты на селе, а шире привлекать преподавателей к работе на общественных началах для организации индивидуально-группового обучения.

Таким образом, финансирование общеобразовательных школ и школ грамоты для взрослых на селе в 1920-е гг. зависело от того, в каком состоянии находилось parcelлярное сельскохозяйственное производство в тот или иной период этого десятилетия. Основное бремя расходов приходилось на государственное финансирование образовательных учреждений, при этом после перехода к новой экономической политике фи-

нансирование осуществлялось преимущественно из средств местного бюджета, которых в значительной степени не хватало, а в условиях рыночных отношений определенное значение имело выделение средств на образование сельскими земельными обществами, в первую очередь через систему самообложения крестьянских общин. Если до 1928 г. финансирование школ являлось для крестьян добровольным начинанием, то в конце 1920-х гг. самообложение на нужды образования становится обязательным и дополнительным бременем для крестьянских хозяйств.

Попытки материально стимулировать учителей для работы по обучению взрослого неграмотного и малограмотного населения за счет средств общественных организаций и личных пожертвований (главным образом делавшихся через общество «Долой неграмотность!») оказывались малоуспешными из-за того, что большинство не владеющих грамотой крестьян по разным причинам уклонялось от обучения, соответственно острой была проблема комплектования контингента посещающих сельские школы грамоты для взрослых.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. В. Луначарский о народном образовании. — М., 1958.
2. Волков С. М. Деятельность Уральской областной партийной организации по ликвидации неграмотности взрослых, развитию материальной базы общеобразовательной школы и подготовке учительских кадров (1928—1932) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Пермь, 1986.
3. Государственный архив Пермского края (ГАПК). — Ф. 19. — Оп. 1. — Д. 984. — Л. 957.
4. ГАПК. — Ф. 23. — Оп. 1. — Д. 40. — Л. 51, 110.
5. ГАПК. — Ф. 23. — Оп. 1. — Д. 57. — Л. 19.
6. ГАПК. — Ф. 23. — Оп. 1. — Д. 67. — Л. 6.
7. ГАПК. — Ф. 23. — Оп. 1. — Д. 67. — Л. 62.
8. ГАПК. — Ф. 23. — Оп. 1. — Д. 67. — Л. 94.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 2313. — Оп. 1. — Д. 157. — Л. 141.
10. ГАРФ. — Ф. 2314. — Оп. 8. — Д. 50. — Л. 5.
11. ГАРФ. — Ф. 2314. — Оп. 8. — Д. 50. — Л. 6.
12. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 305. — Л. 9.
13. ГАСО. — Ф. 233. — Оп. 1. — Д. 29. — Л. 6.
14. ГАСО. — Ф. 233. — Оп. 1. — Д. 254. — Л. 28.
15. ГАСО. — Ф. р-233. — Оп. 1. — Д. 419. — Л. 456.
16. ГАСО. — Ф. р-233. — Оп. 1. — Д. 1135. — Л. 100.
17. ГАСО. — Ф. р-88. — Оп. 1. — Д. 1412. — Л. 35.
18. ГАСО. — Ф. р-88. — Оп. 1. — Д. 1415. — Л. 36.
19. Гришанов В. П. Деятельность партийной организации Урала и Западной Сибири по укреплению финансово-материальной базы общеобразовательной школы в 1926—1941 годах. — Свердловск, 1978.
20. Гришанов П. В. Школьный всеобуч на Урале в условиях строительства социализма (1926—1937 гг.). — Челябинск, 1982.
21. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. — М., 1977.
22. Известия ЦК РКП(б). — 1921. — № 35.
23. Каракулов Д. В. Голод 1921—1922 гг. на Урале : дис. ... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 2000.
24. Королев Ф. Ф., Корнейчик Т. Д., Равкин З. И. Очерки по истории советской школы и педагогики (1921—1931 гг.). — М., 1961.
25. Лабузов В. А. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия Советской власти (1917—1932). — Оренбург, 2004.
26. Народное образование в СССР: общеобразовательная школа : сборник документов. 1917—1973. — М., 1974.
27. Народное просвещение : еженед. Наркомпроса. — 1922. — № 99—100. — С. 24—25.
28. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). — Ф. 106. — Оп. 1. — Д. 165. — Л. 811.
29. ОГАЧО. — Ф. 138. — Оп. 1. — Д. 65. — Л. 374.
30. ОГАЧО. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 370. — Л. 129.

31. ОГАЧО. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 574. — Л. 65.
32. Отчет Уральского областного бюро ЦК РКП(б) Первой Уральской областной конференции РКП(б) 5 декабря 1923 года. — Екатеринбург, 1923.
33. Попов М. В. Культура и быт крестьян Урала в 1920–1941 годах. — Свердловск, 1997.
34. Просвещение на Урале. — 1927. — № 2.
35. Просвещение на Урале. — 1929. — № 2.
36. Просвещение на Урале. — 1929. — №5–6.
37. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 807. — Л. 76.
38. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 1562. — Оп. 17. — Д. 349. — Л. 7.
39. РГАЭ. — Ф. 1562. — Оп. 17. — Д. 798. — Л. 30.
40. Сафронова А. М. Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. — Екатеринбург, 2002.
41. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. — М., 1918. — № 39.
42. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. — М., 1921. — № 64.
43. Социалистическое строительство на Урале за 15 лет. — Свердловск, 1932.
44. Субботина К. И. Народное образование и бюджет. — М., 1965.
45. Уральский рабочий. — 1922. — 10 февр.
46. Уральский рабочий. — 1925. — 28 марта.
47. Уральский статистический ежегодник. 1923–1924 гг. — Свердловск, 1925.
48. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). — Ф. 4. — Оп. 2. — Д. 522. — Л. 109.
49. ЦДООСО. — Ф. 4. — Оп. 2. — Д. 526. — Л. 35.
50. ЦДООСО. — Ф. 4. — Оп. 2. — Д. 545. — Л. 2.
51. ЦДООСО. — Ф. 4. — Оп. 7. — Д. 395. — Л. 9.
52. ЦДООСО. — Ф. 4. — Оп. 7. — Д. 395. — Л. 23–24.
53. ЦДООСО. — Ф. 4. — Оп. 9. — Д. 1065. — Л. 136.
54. Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции в 1920–1937 гг. — Свердловск, 1970.

REFERENCES

1. A. V. Lunacharskiy o narodnom obrazovanii. — М., 1958.
2. Volkov S. M. Deyatel'nost' Ural'skoy oblastnoy partiynoy organizatsii po likvidatsii negramotnosti vzroslykh, razvitiyu material'noy bazy obshcheobrazovatel'noy shkoly i podgotovke uchitel'skikh kadrov (1928–1932) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. — Perm', 1986.
3. Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya (GAPK). — F. 19. — Op. 1. — D. 984. — L. 957.
4. GAPK. — F. 23. — Op. 1. — D. 40. — L. 51, 110.
5. GAPK. — F. 23. — Op. 1. — D. 57. — L. 19.
6. GAPK. — F. 23. — Op. 1. — D. 67. — L. 6.
7. GAPK. — F. 23. — Op. 1. — D. 67. — L. 62.
8. GAPK. — F. 23. — Op. 1. — D. 67. — L. 94.
9. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). — F. 2313. — Op. 1. — D. 157. — L. 141.
10. GARF. — F. 2314. — Op. 8. — D. 50. — L. 5.
11. GARF. — F. 2314. — Op. 8. — D. 50. — L. 6.
12. Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (GASO). — F. 17. — Op. 1. — D. 305. — L. 9.
13. GASO. — F. 233. — Op. 1. — D. 29. — L. 6.
14. GASO. — F. 233. — Op. 1. — D. 254. — L. 28.
15. GASO. — F. r-233. — Op. 1. — D. 419. — L. 456.
16. GASO. — F. r-233. — Op. 1. — D. 1135. — L. 100.
17. GASO. — F. r-88. — Op. 1. — D. 1412. — L. 35.
18. GASO. — F. r-88. — Op. 1. — D. 1415. — L. 36.
19. Grishanov V. P. Deyatel'nost' partiynoy organizatsii Urala i Zapadnoy Sibiri po ukrepleniyu finansovo-material'noy bazy obshcheobrazovatel'noy shkoly v 1926–1941 godakh. — Sverdlovsk, 1978.
20. Grishanov P. V. Shkol'nyy vseobuch na Urale v usloviyakh stroitel'stva sotsializma (1926–1937 gg.). — Chelyabinsk, 1982.
21. Danilov V. P. Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: naselenie, zemlepol'zovanie, khozyaystvo. — М., 1977.
22. Izvestiya TsK RKП(b). — 1921. — № 35.
23. Karakulov D. V. Golod 1921–1922 gg. na Urale : dis. ... kand. ist. nauk. — Ekaterinburg, 2000.
24. Korolev F. F., Korneychik T. D., Ravkin Z. I. Ocherki po istorii sovetskoy shkoly i pedagogiki (1921–1931 gg.). — М., 1961.
25. Labuzov V. A. Agrarnye otnosheniya na Yuzhnom Urale v pervye desyatletiya Sovetskoy vlasti (1917–1932). — Orenburg, 2004.
26. Narodnoe obrazovanie v SSSR: obshcheobrazovatel'naya shkola : sbornik dokumentov. 1917–1973. — М., 1974.
27. Narodnoe prosveshchenie : ezhened. Narkomprosa. — 1922. — № 99–100. — S. 24–25.
28. Ob"edinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO). — F. 106. — Op. 1. — D. 165. — L. 811.
29. OGACHO. — F. 138. — Op. 1. — D. 65. — L. 374.
30. OGACHO. — F. 77. — Op. 1. — D. 370. — L. 129.

31. OGACHO. — F. 77. — Op. 1. — D. 574. — L. 65.
32. Otchet Ural'skogo oblastnogo byuro TsK RKP(b) Pervoy Ural'skoy oblastnoy konferentsii RKP(b) 5 dekabrya 1923 goda. — Ekaterinburg, 1923.
33. Popov M. V. Kul'tura i byt krest'yan Urala v 1920 1941 godakh. — Sverdlovsk, 1997.
34. Prosveshchenie na Urale. — 1927. — № 2.
35. Prosveshchenie na Urale. — 1929. — № 2.
36. Prosveshchenie na Urale. — 1929. — №5—6.
37. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). — F. 17. — Op. 60. — D. 807. — L. 76.
38. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE). — F. 1562. — Op. 17. — D. 349. — L. 7.
39. RGAE. — F. 1562. — Op. 17. — D. 798. — L. 30.
40. Safronova A. M. Sel'skaya shkola na Urale v XVIII—XIX vv. i rasprostranenie gramotnosti sredi krest'yan. — Ekaterinburg, 2002.
41. Sobranie Uzakoneniy i Rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo Pravitel'stva. — M., 1918. — № 39.
42. Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR. — M., 1921. — № 64.
43. Sotsialisticheskoe stroitel'stvo na Urale za 15 let. — Sverdlovsk, 1932.
44. Subbotina K. I. Narodnoe obrazovanie i byudzhet. — M., 1965.
45. Ural'skiy rabochiy. — 1922. — 10 fevr.
46. Ural'skiy rabochiy. — 1925. — 28 marta.
47. Ural'skiy statisticheskiy ezhegodnik. 1923—1924 gg. — Sverdlovsk, 1925.
48. Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti (TsDOOSO). — F. 4. — Op. 2. — D. 522. — L. 109.
49. TsDOOSO. — F. 4. — Op. 2. — D. 526. — L. 35.
50. TsDOOSO. — F. 4. — Op. 2. — D. 545. — L. 2.
51. TsDOOSO. — F. 4. — Op. 7. — D. 395. — L. 9.
52. TsDOOSO. — F. 4. — Op. 7. — D. 395. — L. 23—24.
53. TsDOOSO. — F. 4. — Op. 9. — D. 1065. — L. 136.
54. Chufarov V. G. Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Urala po osushchestvleniyu kul'turnoy revolyutsii v 1920—1937 gg. — Sverdlovsk, 1970.